

Доктор Кнут Хайм, Пословица, Лекция 10, Пословицы 10–5, Кластеры вариантов

© 2024 Кнут Хайм и Тед Хильдебрандт

Добро пожаловать на десятую лекцию по библейской Книге Притчей. До сих пор, когда я преподавал, мы сосредотачивались главным образом на главах с 1 по 9 Притчей, а затем в последних двух лекциях мы рассматривали тему, которая проходит через всю книгу, а именно тему преподавания процветания в Книга Притчей, как стать финансово обеспеченным. В этой лекции я хочу начать рассматривать различные виды материалов, особенно в главах с 10 по 29 Притчей, где теперь у нас есть другой тип расположения материалов.

В главах с 1 по 9 у нас было 10 лекций, перемежающихся несколькими речами Леди Мудрости, так называемыми интермедиями мудрости. В главах с 10 по 29 мы имеем в основном последовательности независимых грамматически и синтаксически независимых высказываний, которые замкнуты в себе и обычно не связаны грамматически или синтаксически или связаны с окружающими стихами до и после. Несколько лет назад, кажется, в 2013 году, я опубликовал довольно увесистую книгу о вариантных повторах в Книге Притчей.

В этой конкретной лекции я хочу взглянуть на раздел этой книги, который поможет нам понять природу этих отдельных пословиц, я считаю, по-новому, очень интересно и увлекательно, что поможет нам читать эти материалы. с воображением, а также с четким вниманием к деталям. Итак, что я хочу сделать, так это продемонстрировать творческое прочтение этих материалов из пословиц в отличие от материалов лекций, которые мы рассматривали до сих пор. Я сделаю это, выделив ряд вопросов, обсуждаемых в главе 6 моей книги, где я особенно рассматриваю ряд пословиц, связанных с усердием.

А именно, Притчи 6, стих 8, Притчи 30, стих 25 и Притчи 10, стих 5. Причина, по которой я выбрал их, заключается в том, что глава 10, стих 5, является частью первой группы стихов в самом начале этой книги. новый сборник Притчей Соломона, как нам сказано в главе 10, стих 1. Я считаю, что стих 5 является частью продуманной редакционной стратегии, направленной на то, чтобы представить эти отдельные высказывания как новый сборник и помочь нам читать эти стихи, которые являются независимыми, самостоятельными высказываниями. Тем не менее, чтобы читать их как части небольших групп, я называю их пресловутыми группами, обычно состоящими из 3–10 стихов или около того, чаще всего из 5–8 стихов. Существует не менее семи различных вариантов повторений.

О, мне, наверное, следует сказать кое-что и о вариантных повторениях. Итак, в дополнение к Притчам в главе 10, стих 5, мы рассмотрим 6, 8 и 3, 25, потому что

три утверждения в этих трех стихах очень похожи. Кажется, это то, что я называю вариантными повторениями друг друга.

Они достаточно похожи, чтобы их можно было признать вариантами друг друга и повторениями, но они также характерно отличаются друг от друга. И в этом разделе мы рассмотрим это, посмотрим на варианты повторений, на то, чем они отличаются и похожи, и так далее, но с целью понять редакционную функцию и стратегии чтения, которые нам нужны для изучения материалы в главах с 10 по 29. Итак, позвольте мне прочитать их из главы.

Встречается не менее семи различных вариантов повторений, в том числе шесть из 19 стихов главы 6, доля 31,6%. Вся первая половина стиха главы 6, стих 8 повторяется во второй половине стиха главы 30, стих 25, с изменением единственного числа на множественное в начальных формах глагола и суффиксальных формах последних существительных. Позвольте мне прочитать вам эти стихи. Она, то есть тетка, готовит себе еду летом и собирает свою провизию во время жатвы, 6, 8. Тетушки – народ без сил, но они готовят себе еду летом.

Итак, оба этих утверждения относятся к тетям и их приготовлению еды летом, но в 6.8а это одна тетя, а в 30.25b - несколько тетушек. Еще хочу сравнить это с 10, 5 стихом, где у нас тоже летом кто-то готовит еду, но это не тетка, а сын. Дай мне прочитать.

Сын, собирающий летом, благоразумен, а сын, который спит во время жатвы, постыдится. И здесь, в этом варианте повторяющихся взаимодействий, мы можем видеть, что, конечно же, иллюстрации того, как тетя готовит еду летом, на самом деле являются иллюстрациями и примерами, моделями для людей, для молодых людей и сыновей, которые должны действовать аналогичным образом. быть прилежным. В Притчах, глава 6, стих 8, каждому элементу в первой половине стиха соответствует соответствующий термин во втором.

Вот пример, к которому, похоже, применимы традиционные категории строгого параллелизма. Этот стих представляет собой пример синонимического параллелизма. В английском переводе соответствующие элементы выглядят так.

Оно готовится. Оно собирается. Летом. В сборе урожая. Его еда. Его положения.

У параллелизма есть аналог. Однако более пристальное сравнение соответствующих позиций показывает, что категория синонимов не особенно полезна. Единственные пункты, которые являются синонимами в общем смысле, находятся в последнем наборе списков, это еда и ее провизия.

Хотя переводчики, работающие на основе точного параллелизма, возможно, видели в этом особенно хорошо сбалансированный пример параллелизма, лишь немногие учитывали точную природу параллельных отношений между отдельными элементами. Однако природу двух других перечисленных выше наборов можно описать точнее, чем используя синонимы «грубый» и «готовый». Лето и урожай сопоставимы в том смысле, что они оба описывают время года.

В то время как первый фокусируется на метеорологических различиях между сезонами, второй фокусируется на сельскохозяйственном значении календаря. Они не являются синонимами, поскольку лето относится просто к одному сезону в году без какой-либо конкретной направленности. На ум приходят такие аспекты этих времен года, как метеорологические характеристики, приятное время для путешествий и наслаждение вечерним бризом в конце дня.

Время прополки и полива растущих культур. Время подготовки поля и некоторых культур для посева семян для следующего сельскохозяйственного цикла. Последние аспекты, конечно же, являются характеристиками, которые здесь важны, и на них обращает внимание слово «подготовка».

Напротив, слово «урожай» сосредотачивает внимание на одном конкретном сельскохозяйственном аспекте сезона. Это время пожинать плоды своего труда и собирать продовольствие, необходимое для выживания общества. Таким образом, урожай соответствует лету, но не является синонимом или противоположностью.

Эти два термина дополняют друг друга, поскольку сбор урожая придает большую точность термину «лето». Знание климата и сельскохозяйственного цикла в Израиле покажет, как это сделать. Резюме Ричарда Клиффорда в его комментариях дает необходимую информацию, и я цитирую: в Палестине только два сезона: сухое лето с апреля по сентябрь и дождливая зима с октября по март.

Дождь и снег летом практически не встречаются. Временем сбора урожая может быть сбор ячменя в апреле-мае или сбор пшеницы через четыре недели, или сбор фруктов, включая оливки и виноград, в конце лета и начале осени, как в Исаии 16, стих 9, конец цитаты. Главный вывод, который можно извлечь из этой информации, заключается в том, что сбор урожая в Израиле делится на три отдельных периода, каждый из которых приходится на летние месяцы.

Это означает, что лето и сбор урожая совпадают по смыслу в отношении некоторых аспектов, но имеют разную направленность в отношении сельскохозяйственного предприятия. Выбор обозначения урожая для обозначения сезона фокусируется на значении лета как сезона для

необходимых приготовлений для обеспечения обильного урожая. Точно так же слова «готовить» и «собирать» являются скорее взаимодополняющими, чем синонимами.

Прямой противоположностью «вместе» было бы разбегаться. Эти два термина относятся к севу и жатве, действиям, которые вместе описывают ритм сельскохозяйственного предприятия. Однако приготовление еды — это более общая ссылка, которая может относиться к временной деятельности муравьев, соответствующей метафоре.

Что касается людей, это также может относиться к более широкому спектру деятельности, такой как вспашка поля, обслуживание ирригационных систем, прополка и обработка от вредителей и болезней. Смысл всего этого в том, что читателя или слушателя не призывают просто сеять, то есть делать абсолютный минимум, чтобы выжить. Даже отбивающие знают, что без посева нет жатвы.

Напротив, спешащим молодым людям рекомендуется не срезать углы в надлежащей фоновой работе, чтобы обеспечить истинный успех. Теперь я перехожу к Притчам 30, стиху 25. Есть два способа проанализировать здесь параллелизм.

Первый, навязывая традиционную категорию антитетического параллелизма, классифицировал бы выражение людей, лишенных сил и собирающих еду летом, как антитетические в широком смысле. Тогда в английском переводе эквивалентом будет муравьи, но без эквивалента, и люди, лишенные сил и собирающие пищу летом. Сомнительно, если мы действительно принимаем их за соответствия, что их действительно можно назвать параллельными.

Следует признать, что определенное соответствие имеется, поскольку два утверждения — народ без сил и собирающий пищу летом — в некотором роде контрастируют друг с другом. Но это становится очевидным только на контекстуальном уровне окружающих стихов. Стих сам по себе не представляет собой параллелизм.

Скорее, параллелизм в главе 30, стихе 25, работает на меж- и транслинейном уровнях окружающих стихов, стихов с 24 по 28. Я рассмотрю это через несколько минут более подробно, когда рассмотрю более широкий контекст обоих стихов. эти высказывания. Теперь я перехожу к стиху 5 Притчей 10. Я включил его сюда для сравнения, поскольку он имеет некоторые существенные сходства с двумя другими вариантами этого набора, хотя, строго говоря, это не повторение вариантов.

Раньше этот стих считался антитетическим параллелизмом. Согласно этой традиционной парадигме, два их набора тогда считались бы антонимами, а

один из них был бы синонимом. Три набора соответствующих выражений собираются, в отличие от сна, летом, по сравнению с периодом сбора урожая, и компетентный сын, в отличие от позорного сына.

Начнем с некоторых комментариев о том, как вместе и спать. Как уже говорилось выше при обсуждении 6.8, антонимом, а точнее, противоположностью слова «вместе» является разброс. Эти два термина относятся к севу и жатве, действиям, которые вместе описывают ритм сельскохозяйственного предприятия.

Поэтому спать явно не является прямым антонимом слова «вместе». Тем не менее, первый набор терминов контрастирует друг с другом на уровне всей фразы, поскольку сон подразумевает, что солнце во второй половине стиха не собирает жатву. Но оппозиция неточна, и эта неточность несет, я считаю, избыток информации.

Сон подразумевает нечто большее, чем отсутствие трудолюбивой деятельности, но намекает на лень и неправильные приоритеты. Некоторые комментарии о лете и жатве могут пролить дополнительный свет на эти стихи. Как упоминалось ранее, знание взаимосвязи между климатом и сельскохозяйственным циклом в Израиле полезно для толкования этих стихов.

Для подробностей я напоминаю вам слова Клиффорда в цитате, которой я поделился ранее. Сбор урожая в Израиле приходится на два-три отдельных периода в летние месяцы. Это не означает, что летнее время совпадает с периодом сбора урожая, но это означает, что время сбора урожая приходится на летнее время.

Тот факт, что в 5-м стихе 10-й главы говорится о сборе летом, означает, что в отличие от 8-го стиха 6-й главы основное внимание уделяется лету как времени сбора урожая, а не всем остальным видам деятельности. Стоит отметить, что этот фокус создается не за счет соответствия лета и урожая на уровне параллелизма, а за счет сочетания лета с глаголом вместе. Точно так же два термина «компетентный сын» и «позорный сын» не являются антонимами.

Антоним слова «компетентный» будет некомпетентным, а не позорным. И наоборот, антоним слова «позорный» был бы благородным, а не компетентным. Однако неточный характер оппозиции между двумя терминами не является недостатком параллелизма.

Скорее, это увеличивает объем информации, которую может передать поэтическая строка, поскольку неточные контрасты подразумевают соответствующие антонимы в противоположной полустроке. Компетентный

сын, как следует из главы 10, 5б, также является благородным сыном. А бесчестный сын, как следствие, также является некомпетентным сыном.

Теперь я перехожу к контексту 6-й, 8-й главы Притчей и 30-й, 25-й глав Притчей. Притчи 6, 8 относятся к более длинному блоку, стихи с 6 по 11. Структурированы вокруг вступительного обращения: «Иди к тетке», в единственном числе, ленивец. Подумайте о ее поступках и поумнейте, этот отрывок распадается на две отдельные, но связанные части, посвященные поведению тети и его последствиям (стихи 6–8) и поведению ленивца и его последствиям (стихи 9–11).

Подлежащее глаголов в 6, 8 — тётя, собирательное единственное число, в 6 главе, стих 6, которое также служит антецедентом для единственного числа выражения её еда. Следовательно, признаки, отличающие 6, 8 от аналога 3, 25, обусловлены контекстом. Точно так же и второй полустих испытывает влияние прагматического воздействия, которого хотел добиться поэт-редактор.

Эта поэтическая единица призывает ученика учиться трудолюбию, созерцая пример тетушки в ее целеустремленной предусмотрительности и трудолюбии, а также ее скрытую самодостаточность. Ее дальновидность, трудолюбие и самодостаточность подчеркиваются и иллюстрируются посредством параллелизма в 6, 8, где две полулинии зеркально отражают друг друга, но также дополняют друг друга, описывая весь сельскохозяйственный цикл человека через предприятие образцовой тети. . Это контрастирует с уязвимостью и бедностью, которые угрожают ленивцам.

Следовательно, форма второго полустиха в 6, 8, весьма отличающаяся от своего аналога в 3, 25, также обусловлена контекстом. Единица является локусом вариантного повторения, поскольку половина ее стихов встречается в другом месте. Помимо 6, 8а, которые вновь появляются в 30, 25б, в Притчах 24, 33-34 вновь появляется целый квадрант из четырех полустрочек.

Как уже упоминалось выше или ранее, параллелизм в главе 30, стихе 25 действует на меж- и транслинейных уровнях окружающих стихов 24-28 в главе 30. Вот перевод пяти стихов. Четыре вещи на земле малы, но они чрезвычайно мудры.

Муравьи — бессильный народ, но летом они обеспечивают себе пропитание. Барсуки — люди без власти, но они строят свои дома в скалах. У саранчи нет царя, но все они маршируют шеренгой.

Ящерицу можно схватить рукой, но ее можно найти в царских дворцах. Пять стихов вместе образуют числовое высказывание, и параллельные элементы связаны между собой от строки к строке. После вступительной строки в стихе

24а есть еще четыре параллельных утверждения в первых полустроках стихов 25-28.

Четыре вещи на земле малы. Муравьи, барсуки, саранча, ящерица. Вторые полустихи четырех стихов также содержат параллельные строки.

После вступительной строки в стихе 24б идут еще четыре параллельных утверждения. Они чрезвычайно мудры. Летом они дают еду.

Они строят свои дома в скалах. Все они маршируют шеренгой. Его можно найти в королевских дворцах.

Связь между различными полулиниями сильная. Существует межлинейный параллелизм от одной строки к другой и транслинейный параллелизм во всех стихах. Все 30-25b эквивалентно семантической ценности силы отдельного слова в 30-25а.

Это равносильно параллелизму, который традиционно можно было бы назвать синтетическим. Но теперь можно увидеть параллелизм, при котором вторая полустрока расширяется только на одно слово, последнее, в первой полустрочке. Этот анализ приводит как к переоценке влияния параллелизма в этом стихе, так и к пониманию поэтической стратегии выделения коммуникативной цели стиха и окружающего его контекста, чтобы подчеркнуть силу, которая приобретается благодаря усердию и предусмотрительности, несмотря на эти сильные стороны. существа довольно маленькие, имеют форму, соответствующую требованиям числового изречения, с его первой линией четыре вещи на земле малы, но они чрезвычайно мудры.

В стихе говорится о муравьях во множественном числе, что привело к появлению глагольной формы множественного числа и суффикса местоимения множественного числа, которые отличали его от его варианта аналога в 6-8а. Опять же, особенности, отличающие 6-8а от его аналога в 30-25б, обусловлены контекстом. Что еще более важно, радикально отличающаяся вторая половина стиха сформирована скорее так, чтобы соответствовать вторым полустихам в окружающих стихах, чем соответствовать параллели в самом стихе.

Как показывают транслинейные параллелизмы, которые мы только что исследовали. Следовательно, на второй полустих влияет то прагматическое воздействие, которое хотел оказать поэт-редактор. А теперь обратимся к пятому стиху главы 10, нашей третьей пословице в этой последовательности.

Это последний стих в пресловутой группе. Главы 10, 1–5, следующие сразу после редакционного заголовка «Притчи Соломона» ко Второму большому сборнику в 10.1–22.16 Книги Притчей. Таким образом, он может служить введением к

сборнику, подобному исходу лекций в Притчах 1–9, которые мы обсуждали ранее.

Это предложение приобретает вес, особенно потому, что в начале новых коллекций наблюдается скопление вариантов повторов. Притчи 10.1, 2, 5, 6, 8, 10, 11, 13 и 15. Это составляет 53% от первых 15 стихов Притчей 10.

Если это верно, то форма 10,5, особенно то, чем она отличается от 6,8, также могла зависеть от контекста. Это приводит ко второму выводу. Притчи 10.5 и то особое расположение, в котором они сейчас встречаются, являются результатом той же редакционной стратегии, которая сформировала вводные материалы в лекциях по Притчам 1–9.

Существует всеобъемлющая редакционная стратегия, которая намеренно использует различные повторы по всей книге. Итак, мы видим появление более масштабного плана. И это также позволяет предположить, что 10.1-5 принадлежит к последним этапам формирования книги, связывая материал Притчей 10-31 с вводным сборником глав 1-9.

Теперь изложено обоснование этих предложений. Характер этого материала и второго сборника отличается от глав 1-9, как мы уже отмечали, почти все стихи состоят из самостоятельных пословиц. Поэтому расположение стихов отличается от большей части материала в главах 1–9.

Группы пословиц, такие как 10.1-5, связаны посредством различных видов повторов, особенно повторов крылатых слов, а не явных синтаксических, синтаксических или грамматических явлений. Поэтому неудивительно, что нет единого мнения о том, существуют или нет сознательные группировки такого рода, а также о том, какое значение такие группы могут иметь для интерпретации отдельных пословиц, если их существование доказано. Я обсуждал эти вопросы более подробно в монографии, опубликованной в 2001 году, под названием «Как виноградины золота в серебре».

Два недавних комментария к Книге Притчей, а именно написанные Тремпе Лонгманом и Брюсом Вальтке, представляют две противоположные стороны дискуссии. Лонгман в своем комментарии 2006 года выступал против последовательных группировок. Я упомяну три его аргумента, наиболее актуальные для настоящей дискуссии.

Четвертый аргумент я немного обсужу через некоторое время. Первое, цитирую, в книге много близких и совершенно одинаковых пословиц. Он имеет в виду то, что я называю вариантными повторениями.

По мнению Лонгмана, цитата, кажется логичным, что пословицы добавлялись с течением времени, либо индивидуально, либо группами. Тогда Лонгман, конечно, предполагает, что они были добавлены случайно, тогда как я утверждаю, что они были добавлены намеренно в качестве редакционной стратегии для всей книги. Второй и третий аргументы заключены в одном предложении Лонгмана.

Цитирую, критерии объединения настолько широки и разнообразны, что разные учёные будут продолжать придумывать разные единицы. Конец цитаты. Второе возражение состоит в том, что критерии ассоциации настолько широки, что группировать можно практически любой материал, каким бы разрозненным он ни был.

Третий аргумент заключается в том, что ученые, которые отдают предпочтение преднамеренным группировкам, такие как, например, Брюс Вальтке и я, продолжают расходиться во мнениях относительно точных границ этих мер, что предполагает, что либо эти структуры не существуют, либо они не могут быть решительно определены с помощью методы, обычно используемые такими, как Вальтке и я. На основе этих и других, менее важных аргументов, Лонгман пришел к выводу, что я цитирую, что нам следует вернуться к интерпретации пословиц как случайно структурированных. Конец цитаты.

И затем он продолжил интерпретировать материалы Притчей с 10 по 31, стих за стихом. Лонгман осознает, что его отказ принять преднамеренное группирование в настоящее время является точкой зрения меньшинства.

Цитирую: « В этом я отхожу от других недавних комментариев, которые, по моему мнению, скорее навязали, чем открыли, структурирующие приемы в этих главах.

Я хотел бы ответить на эти три аргумента один за другим. Во-первых, что касается аргумента о случайном добавлении повторений вариантов. В этом томе, на 680 страницах, я продемонстрировал, что добавление вариантов в подавляющем большинстве случаев было далеко не случайным.

Во-вторых, что касается аргумента о том, что критерии ассоциации слишком широки, я утверждаю, что критерии должны быть широкими, чтобы отдать должное расследуемому материалу. Это происходит, с одной стороны, потому, что группы смежных пословиц связаны множеством различных способов, а с другой стороны, потому, что ассоциации относительно свободны. В-третьих, аргумент о том, что не существует единого мнения относительно точного разграничения многих группировок, кажется убедительным, пока, конечно, мы не вспомним, что это верно для большинства, если не для всех, библейских текстов, включая те, для которых структурные механизмы обычно не используются. принял.

Итак, если мы посмотрим на любое обсуждение любой библейской книги, будь то в Послании к Римлянам, в Новом Завете или в Книге Исаяи, практически по любому данному абзацу, найдется Х разных ученых, которые предложит несколько иную структурную схему. Итак, если это верно для очень очевидно, ясно и контекстуально структурированных отрывков, таких как очень точно отточенные Послания Павла в Новом Завете, почему мы не можем принять то же самое для материалов в Притчах? Наконец, я думаю, стоит отметить, что большинство комментариев, которые защищают преднамеренное группирование, так или иначе представляют свои интерпретации, по-прежнему в виде стиха за стихом. В свете этих соображений подход Вальтке, похоже, более справедливо отражает материалы Притчей 10–31, которые Лонгман допускает в своих аргументах.

Вальтке действительно предположил, что афоризмы Соломона, цитирую, изначально предназначались для того, чтобы стоять на собственных ногах, а затем собирались как литература, придавая им контекст, конец цитаты. Поэтому он интерпретировал их двояко: во-первых, как отдельные стихи, а во-вторых, с учетом их литературного контекста в различных группах. Поэтому мне кажется, что лучший путь вперед — следовать настойчивому мнению Лонгмана о том, что отдельные пословицы следует интерпретировать самостоятельно.

Однако это необходимо дополнить пониманием Вальтке о том, что теперь у них есть литературный контекст. И различные варианты повторений, 223 из них, в книге Притчей, которые, кажется, контекстуально изменены, чтобы хорошо соответствовать тому месту, где они сейчас появляются, как я только что показал в отношении Притчей 6-8 и 25, и как я также буду покажем через несколько минут применительно к главе 10, стиху 5, все это наводит на мысль, действительно, что нам следует считаться с контекстуальными группировками. Но позвольте мне продолжить.

Многие, а возможно, и большинство Притч изначально создавались как независимые единицы для устного исполнения в различных ситуациях. Однако сейчас они помещены в литературный контекст, и аргументы растущего числа исследований, включая аргументы, которые я представляю вам здесь, в своей лекции и в моей книге, убедительно показывают, что составившие их редакторы расширили приложили значительные усилия, чтобы связать их с окружающими стихами, слегка изменив и адаптировав их к контексту. Фактически, нынешний набор вариантов является показательным примером, как я уже показал, и теперь собираюсь показать дальше в отношении 10-5.

Ибо в какой бы форме оно ни существовало до включения в 10-ю главу Притчей, оно, по-видимому, было адаптировано так, чтобы теперь очень хорошо вписываться в свой нынешний контекст. Теперь я перехожу к четвертому

аргументу Лонгмана против контекстуальных группировок, моих пресловутых кластеров. Четвертый аргумент Лонгмана заключается в том, что даже когда соседние стихи каким-то образом связаны, эта связь не меняет и не обогащает наше понимание их.

Лонгман привел пример, чтобы проиллюстрировать этот аргумент. Он признал, что 10-5 был намеренно помещен на свое нынешнее место в книге, цитируя Притчи 10, 4-5 как хорошую иллюстрацию того, что нет никаких сомнений в том, что пословицы схожей темы иногда группируются вместе. Теперь я подробно цитирую Лонгмана в абзаце, в котором он показывает, что контекстуальные группировки, даже там, где они существуют, похоже, не имеют большого значения для интерпретации значения отдельных частей и не добавляют к большему значению, чем сумма отдельных частей, всех их вместе взятых.

Дай мне прочитать. Это довольно длинный абзац, так что потерпите. Нет сомнения, что между этими двумя стихами существует связь.

В первом изложен общий принцип, а во втором — конкретная иллюстрация противостояния лени и усердия. Но вопрос в том, что их объединило? Был ли это сознательный механизм структурирования, который завершает книгу, как утверждают Хаим и другие? Он говорит обо мне. Однако на самом деле такая явная связь между соседними пословицами встречается относительно редко.

Объяснение не что иное, как то, что один из редакторов в какой-то момент увидел связь и разместил их рядом. Другими словами, одна пословица действовала как магнит для размещения следующей. Что еще более важно, вопреки Хаиму, чтение пословицы в контексте не меняет нашего понимания ни одной из пословиц.

Это даже не обогащает наше понимание. Цитировать. Когда я писал эти страницы несколько лет назад, они мне очень понравились, потому что я лично знаю Тремпе Лонгмана.

Я очень уважаю его как учёного. Честно говоря, я воспринял это как комплимент со стороны замечательного ученого, который придерживается противоположной точки зрения, чтобы выделить меня как сторонника позиции, которой он пытается противодействовать. У нас были разговоры об этом, и мы смеемся над этим.

И даже сейчас, в свою очередь, я критически отвечаю Тремпе Лонгману, я делаю это снова с высокой оценкой качества его работы, даже там, где и когда я с ним не согласен. Итак, позвольте мне начать. Я выбрал этот длинный абзац из работы Лонгмана, потому что он поднимает ряд весьма актуальных вопросов.

Их еще больше, но я упомянул только шесть. Во-первых, если нет никаких сомнений, как говорит Лонгман, в отношении связи между 10.4 и 10.5 на том основании, что один является конкретной иллюстрацией общего принципа, изложенного в другом, то почему бы также не быть связанными между собой стихи с первого по третий, как это сделал я? рассуждали в моей монографии 2001 года? Во-вторых, то, что объединило два стиха, действительно было, и я снова цитирую Лонгмана, сознательным структурирующим устройством, которое пронизывает всю книгу. Ну, вообще-то, это меня цитирует Лонгман.

Я цитирую Лонгмана, цитирующего меня. В любом случае, этот метод структурирования является феноменом, исследуемым в этой книге, а именно то, что более 24% стихов в Притчах задействованы в варианном повторении. И это показательный случай.

В-третьих, этот тип четкой связи встречается не относительно редко, а часто. См., например, многочисленные связи между соседними стихами, представленные в монографии Руфи Скоролец. В-четвертых, объяснение контекстуального размещения четвертого и пятого стихов главы 10 не в том, что редактор увидел связь.

Скорее, если мой аргумент о том, что 10.5 является относительно свободным вариантом 6.8, верен, то возможно, что 10.5 является сознательной адаптацией своего источника, а именно 6.8, к новому контексту как конкретный пример не только 10.4, но и 10.1 в частности. В поддержку этого утверждения я привожу свое собственное обоснование разграничения 10.1 и 5 как преднамеренной группировки в моей предыдущей монографии. И опять же, это довольно длинная цитата, так что потерпите.

Хиастическая модель положительных и отрицательных утверждений в стихах с первого по пятый объединяет каждый стих со следующим, поскольку предложение второй строки одного стиха соответствует первому из следующих. Слово сын встречается четыре раза, каждый раз в связанной форме, дважды в первом стихе и дважды в пятом стихе, образуя, таким образом, небуквальное включение, рамку, оболочку вокруг этих стихов. В первом стихе слово сын стоит в начале строки.

В пятом стихе это конец. Стихи второй и третий совпадают по содержанию и форме: в обоих упоминаются слова «праведный» и «нечестивый», и оба начинаются с отрицания «нет» или «нет». И несовершенный.

Они демонстрируют хиазм на разных уровнях, а также хиазм порядка слов. Стихи четвертый и пятый совпадают по содержанию, поскольку ленивая и прилежная рука в четвертом стихе объясняется как прилежная и ленивая в пятом стихе. Прилежный и ленивый сын в пятом стихе.

В пятом стихе первый стих уточняется, что мудрый сын характеризуется как прилежный, а глупый сын - как ленивый. Стихи со второго по четвертый связаны соответствием: «бесприбыль» и «делает нуждающимся» с одной стороны, избавляет от смерти и обогащает — с другой, таким образом помещая третий стих в центр хиастического устройства. Теперь, основываясь на критериях Лонгмана, позволяющих установить четкую связь между 10.4 и 10.5, мы можем предположить, что аналогичные отношения существуют между всеми пятью стихами.

Это подводит меня к моему пятому аргументу. Гипотеза о том, что 10.5 представляет собой конкретный пример обобщения 10.1, может быть уточнена с учетом понимания, полученного выше при обсуждении параллелизма в 10.5. Там я утверждаю, что неточный характер соответствия между компетентным сыном и бесчестным сыном увеличивает объем информации, содержащейся в поэтической строке, поскольку неточные контрасты предполагают их соответствующие антонимы в противоположной строке. Теперь мы можем сделать еще один шаг вперед.

Если мы объединим это с контекстуальным выводом о том, что пятый стих является конкретным примером первого стиха, поскольку мудрый сын, таким образом, описывается как прилежный, а глупый сын - как ленивый, тогда становится ясно, что компетентный сын из пятого стиха действительно является почетным сыном. сын в том, что он мудрый сын, который радуется отцу. То есть он приносит отцу честь или заставляет его гордиться своими достижениями. И наоборот, позорный сын на самом деле является некомпетентным сыном.

Он глупый сын, который причиняет горе своей матери, потому что она беспокоится о нем, первый стих, из-за его неспособности зарабатывать на жизнь честными средствами, стихи с третьего по четвертый. В заключение хочу сказать, что редактор не увидел связи между тем, что сейчас десять-четыре и десять-пять. Скорее, редактор увидел потенциал варианта шесть-восемь для повторного использования в качестве вводного материала для связи пословиц с первой по девятую и пословиц с десяти одной по двадцать две, а также для обучения сына в его исходной обстановке.

Затем он создал связь не только между десятью пятью и десятью четырьмя, но также, что более важно, между десятью пятью и десятью одним и другими стихами между ними. Стих 10:5 был адаптирован к контексту, в котором он сейчас появляется. В этом смысле «десять один к пяти» похоже на применение в реальном мире людей Притчей шесть, один к одиннадцати.

Это подводит меня к шестому и последнему пункту в ответ на критику Лонгмана интерпретативного значения преднамеренных группировок. Соображения,

изложенные в предыдущем пункте, позволяют предположить, что чтение пословицы в контексте действительно меняет и обогащает наше понимание пословиц или пословиц в этой группе. Объединив сделанные мной ранее наблюдения о параллелизме и контексте, мы теперь можем увидеть, что шесть-восемь, которые, по мнению многих, относятся к одной из последних частей книги, на самом деле послужили источником для 10:5. также поздняя часть книги.

Есть еще две причины для вывода о том, что десять-пять — это вариантное повторение. Во-первых, рядом расположены другие варианты. Во-вторых, хотя десять пять практически узнаваем как вариант шести-восеми, количество различий, которые оно демонстрирует, и то, как эти различия взаимодействуют с контекстом в стихах с десяти одного по пятый, позволяют предположить, что оно происходит от шести-восеми. восемь.

Итак, я знаю, что это был более масштабный, подробный, очень структурированный и длинный аргумент, но я надеюсь, что он того стоил по ряду причин. На протяжении всех этих лекций я доказывал, что нам нужно читать библейскую поэзию с воображением, а также пытался доказать, что чтение с воображением — это не причудливое занятие, а то, что оно требует усердного, тщательного, систематического анализа, который, однако, не дает результатов. не закликаясь на деталях, а переходит от деталей к более широкой картине, творчески интерпретируя все различные аспекты и мелкие детали каждого отдельного стиха. И я надеюсь, что в этом вводном разделе глав с десятой по тридцать первую мне удалось показать, что эта редакционная группировка посредством повторения вариантов и адаптации к контексту этих вступительных стихов создала для нас модель, пресловутую группу, которая вознаграждает. внимательное чтение таким образом, чтобы оно действительно усиливало, обогащало и создавало увлекательное, значимое взаимодействие между различными пословицами в тех последовательностях, которые представляют собой кластеры, в которых они теперь появляются.

Итак, я заканчиваю свою точку зрения, но в следующих лекциях я продолжу обращать внимание на группировки, контекст и образные интерпретации, а также на применение пословиц в главах с 10 по 29.